

БЕТХОВЕН здесь, — не позади, а впереди... В дни испытаний он всегда находился подле нас...». Эти слова Ромена Роллана звучат с особенной силой в дни празднования 200-летнего юбилея композитора. Недооцененный своими современниками, которые допустили, чтобы их гений мог написать о себе: «я несчастен и беден», Бетховен близок всему человечеству.

Секрет целительной силы бетховенской музыки в том, что она, выражая всю мощь человеческого страдания, не только сочувствует, но в том же человеке пробуждает новые силы, чувство достоинства и принадлежности к великому роду человеческому. Как трубный глас призывает эта музыка тираноборца и правдолюбца на борьбу за высокие идеалы.

Широко известны обстоятельства жизни композитора: тяжкая нужда и неустroенность, одиночество, особенно страшная для музыканта глухота... Он знал, КАК судьба стучится в дверь, и умел отвечать на ее удары, он, на смертном одре грозивший небу кулаком.

«Письма Бетховена» представляет читателям издательство «Музыка» в книге, подготовленной к выпуску Музеем музыкальной культуры им. Глинки (составитель сборника доктор искусствоведения Н. Фишман). Мы помещаем некоторые из этих писем, ранее не публиковавшиеся на русском языке.

Н. ЗИМРОКУ В БОНН

Вена, 18 июня 1794

Любезный Зимрок!

Мой брат, находящийся в Вене, сообщил мне, что Вы уже не то гравировали, не то будете гравировать мои вариации для четырех рук. Мне думается, было бы не лишним дать себе труд испросить мое согласие; а то ведь и я, поступая таким же образом, мог бы продать сейчас Артарию те же вариации, которые Вы гравироваете. Впрочем, не тревожьтесь на сей счет. Я требую только одного — чтобы сейчас Вы гравировку приостановили и написали мне, действительно ли Вы ее начали. Если да, то я пошлю Вам отсюда — с okazji к моему другу, графу Вальдштейну — рукопись этих вариаций, по которой Вам их потом можно будет гравировать. Ибо я внес в них различного рода улучшения и уж во всяком случае хотел бы видеть свои изданные вещи настолько совершенными, насколько возможно. Иначе мне бы не было смысла выпускать вариации в данный момент, и я предпочел бы подождать с ними до той поры, когда станут известными некоторые другие, более важные мои произведения, вскоре выходящие в свет.

Итак, я прошу Вас написать мне как можно скорее.

Если Вы желаете, быть может, иметь здесь своего уполномоченного, я охотно укажу Вам человека, известного мне своей порядочностью.

Между прочим, я надеюсь получить от Вас по меньшей мере пару дюжины экземпляров и желал бы, чтобы на сей раз гравировка оказалась более исправной. Потому что в других [ариациях] допустили серьезную ошибку: оставили в шестой [ариации] тональность A-dur с тремя диезами вместо того, чтобы выставить три бекара, переводящие в тональность a-moll. И Вы еще мне шлете ОДИН экземпляр! Да ведь это же чертовски мало, если принять в соображение, что Артарию заплатил мне за другие вариации хороший гонорар и отпустил двенадцать экземпляров.

Напишите мне, желательно ли Вам получить от меня что-нибудь еще из моих сочинений, и что именно.

Будьте здоровы и передайте поклон мой Рису.

Ваш. готовый к услугам друг

Л. а. Бетховен.

Т. БРУНСВИК В ВИТШАП БЛИЗ ЗНОЙМА.

Вена, январь 1811

Хорошие люди вспоминают друг о друге и без особого к этому повода. Так и у нас с Вами, дорогая, уважаемая Тереза. Я все еще не выразил Вам благодарности за Ваше прекрасное изображение, но, объявляя себя должником, одновременно обращаюсь к Вам и как проситель: если Вы как-нибудь почувствуете, что Вас вновь посетил гений живописи, то умоляю Вас повторить для меня тот ма-

музыкальные вечера

ПИСЬМА БЕТХОВЕНА

ленький рисунок, который я имел несчастье потерять. Орел, глядящий на солнце — вот что это было, я отлично помню. Но не подумайте, что я тут в какой-то степени подразумеваю себя, хотя нечто подобное мне уже кто-то приписывал. Ведь героический сюжет доставляет удовольствие многим, в ком и нет ничего героического. Прощайте, дорогая Тереза, и вспомните иногда глубоко почитающего Вас друга

Бетховена.

Г. КОЛЛИНУ

Вена, июль — октябрь 1808

Дорогой друг!

Я очень внимательно прочел Ваш план и ознакомил с ним также БРЕЙНИНГА. Любая работа, предпринимая Вами, всегда удастся отлично, но я говорил Вам с самого начала, что сюжет «Альцины» мне не представляется достаточно оригинальным — я вспоминаю многие сцены из БАЛЕТА «Альцина», что вызывает все же досаду. Да и какая тут откроется возможность для СРАВНЕНИЙ, которою особенно охотно воспользуются ВАШИ и МОИ противники. Например, рассказ о похищении Руджера крылатым коном, что в балете осуществляется реально, на глазах у публики; вызов Брадамантой Атласа на поединок, его заколывание — все это тоже в балете показано. Вообще, в сюжете много сходства с балетом — ну, и сплошная ФАНТАСТИКА. Не могу скрыть, что я вообще предубежден против этой макуры, которая так часто усыпляюще действует на чувство и разум. Решайте все, однако, как знаете; даю Вам слово, что даже в том случае, если Вы оставите сюжет таким, как есть, я все равно им займусь. Итак, я изложил Вам свои возражения. Что касается декораций, то я разговаривал с Г(артлем) и он разделяет мое мнение, что не следует брать использован-

Один из адресатов Бетховена — поэт и драматург Коллин, автор героической пьесы «Кориолан», к которой композитор написал свою знаменитую увертюру. В письме к нему Бетховен выказал себя убежденным сторонником сурового реализма. Письмо к известному скрипачу-виртуозу Клементу, которому композитор посвятил свой концерт для скрипки с оркестром, говорит о дружеской теплоте, с которыми Бетховен относился к соотечественникам по искусству.

Переписка с издателями всегда была хлопотной для композитора. Ему приходилось отстаивать свои авторские права и заботиться о высоком качестве публикаций музыкальных произведений. Об этом свидетельствует обращение к издателю Зимроку.

Написанное по правилам этикета того времени письмо графу Разумовскому — единственное «русское» письмо Бетховена, но не единственное свидетельство его внимания к нашей стране. В некоторых его произведениях, в том числе и в знаменитых «разумовских» квартетах использованы русские народные мелодии. Наконец, письма к И. Бюзлю и к Терезе Брунsvик показывают нравственный мир Бетховена, его высокие представления о человеческой дружбе. Тереза Брунsvик — замечательная женщина, неизменный друг Бетховена сыграла большую роль в его жизни. С ее именем связывают тайну писем «К бессмертной возлюбленной», которые найдены после смерти композитора.

Подборку писем подготовила М. РУБИНЧИК.

Гравюра Ф. Константинова.

ные. Почему это именно на нас, от которых публика вправе чего-то ожидать, должно затрачиваться меньше, чем на постановку НИКЧЕМНЫХ ПОДЕЛОК? Если нет другого выхода, то я предпочел бы получить поменьше — но вообще-то я думаю, что все это устроится иначе. Завтра меня здесь не будет, но на следующей неделе, приблизительно во вторник или в среду я к Вам зайду. Пока что мне еще приходится уделять слишком много времени работе ради ХЛЕБА НАСУЩНОГО. Причина в том, что в результате крайне медленного и вялого осуществления ОБЕЩАНИЙ И ПОСУЛОВ, данных мне моими друзьями, я остался при ПИКОВОМ ИНТЕРЕСЕ. Будьте здоровы.

Друг ПОЭТА Коллина

Людвиг ван Бетховен.

И. БЮЗЛЮ

Вена, 29 июня 1806.

Дружба — это и тень, укрывающая нас от зноя солнца, и защита от непогоды. Мое воспоминание о тебе, дорогой мой Бюзль, будет омрачено единственно тем, что мы слишком мало с тобой встречались. Прощай и не забудь своего искреннего друга

Людвига ван Бетховена.

Ф. КЛЕМЕНТУ

Вена, 1794

Милый Клемент!

Иди и дальше по тому пути, что являлся для тебя донныне столь достопазным и великолепным. Природа и муза состояются в том, чтобы сделать тебя одним из самых лучших артистов. Прислушайся же к голосу каждой из них и можешь не сомневаться, что достигнешь великой, величайшей цели, доступной артисту здесь, на земле.

Будь счастлив, милый отрок, и поскорее возвращайся обратно, чтобы я снова мог услышать твою восхитительно прекрасную игру.

Твой друг

Л. а. Бетховен.

А. К. РАЗУМОВСКОМУ

Вена, ноябрь или декабрь 1806.

Ваше сиятельство!

Имею честь послать Вам второй квартет и уведомить о том, что третий будет мною закончен в ближайшее время.

Не сердитесь. Ваше сиятельство, ежели я попрошу Вас об указании моему Геникштейну относительно выплаты мне гонорара. Просьба моя вызвана тем, что я был сейчас введен в большие издержки.

Меня очень порадовало, что первый квартет удостоился Вашего одобрения; надеюсь, что и второй Вам так же понравится.

Луи ван Бетховен.